

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.754-770>

<http://regionsar.ru>

EDN: <https://elibrary.ru/mkbfmfp>

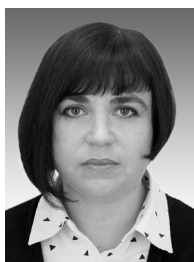
ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 159.923.2:316.347:314.22(470.345)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Динамика этноконфессиональной идентичности жителей Республики Мордовия

Л. Н. Курышова¹ М. Ю. Бареев² ✉ О. Н. Курмышкина¹

¹ Научный центр социально-экономического мониторинга
(г. Саранск, Российская Федерация)

² Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация)
✉ bareevmaksim@rambler.ru

Аннотация

Введение. Этноконфессиональные процессы в регионах России в современных условиях характеризуются противоречивостью: с одной стороны, усилением гражданской консолидации и формированием единой национальной идентичности, с другой – активным возрождением этнической самобытности и традиционных религиозных практик. Данная дихотомия указывает на дифференцированный характер межэтнических и межконфессиональных процессов и при их анализе обуславливает необходимость учета региональных особенностей. Цель исследования – выявить и проанализировать изменения в структуре и проявлениях этноконфессиональной идентичности населения Республики Мордовия в 2021–2023 гг.

Материалы и методы. Работа основывается на материалах опросов населения Республики Мордовия, проведенных в 2021 и 2023 гг. Сбор данных осуществлялся методом очного анкетирования в 23 муниципальных образованиях РМ. Квотная выборка репрезентирует население по месту жительства (город, село), полу, возрасту, национальности. Объем выборочной совокупности в каждом опросе составил 700 чел.

Результаты исследования. Выявлен рост религиозной самоидентификации населения с 72 до 78 % при одновременном снижении вовлеченности в религиозные практики (посещение храмов, соблюдение постов, празднование религиозных праздников). Зафиксировано усиление этнической идентичности во всех исследуемых группах. Наибольший показатель отмечен среди татарского населения (71 %), за которым следуют мордва (58 %) и русские (51 %). Обнаружена специфика языкового поведения: высокий уровень владения национальными языками (мордовскими, татарским) при относительно низком признании их в качестве родного.

© Курышова Л. Н., Бареев М. Ю., Курмышкина О. Н., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Исследование демонстрирует сложную динамику этноконфессиональной идентичности в Республике Мордовия. Наблюдается сочетание нескольких важных процессов: рост декларативной религиозности при снижении практической вовлеченности в религиозные практики, усиление этнической самоидентификации среди представителей всех исследуемых групп, а также доминирование русского языка в этноязыковом пространстве региона. Результаты исследования могут быть использованы для адекватной оценки специфики межнациональных и межконфессиональных отношений в полиэтничных регионах и совершенствования региональной политики.

Ключевые слова: этноконфессиональная идентичность, этноязыковая ситуация, Республика Мордовия, религиозность, полиэтнический регион

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Курышова Л.Н., Бареев М.Ю., Курмышкина О.Н. Динамика этноконфессиональной идентичности жителей Республики Мордовия. *Регионоведение*. 2025;33(4):754–770. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.754-770>

Dynamics of Ethno-Confessional Identity of Residents of the Republic of Mordovia

L. N. Kuryshova^a, M. Yu. Bareev^b ✉, O. N. Kurmyshkina^a

^a Scientific Center for Socio-Economic Monitoring
(Saransk, Russian Federation)

^b National Research Mordovia State University
(Saransk, Russian Federation)

✉ bareevmaksim@rambler.ru

Abstract

Introduction. The Russian Federation is a multi-religious and multinational country, where the coexistence of various ethnic groups has always been the basis for the sustainable development. The co-existence of different peoples creates the problem of taking into account the characteristics of each ethno-confessional group, harmonizing interethnic and interfaith relations, and the need to maintain stability. The purpose of this study is to identify the features of the ethno-religious identity of the inhabitants of the Republic of Mordovia and its changes in the 2020s.

Materials and Methods. The work is based on the materials of surveys of the population of the Republic of Mordovia, conducted in 2021 and 2023. Data collection was carried out by the method of face-to-face questioning in 23 municipal entities, by a quota representative sample. The volume of the sample population in each survey was 700 people.

Results. The level of religious self-identification of the population of the republic is increasing along with a decrease in involvement in religious rituals, which is especially noticeable among Russian-speaking citizens. The main motivation for participating in these practices is increasingly “tradition” or “the opportunity to spend time with loved ones”, rather than religious intentions. A high level of proficiency in the national languages (Mordvin and Tatar) remains, but their use is limited due to urbanization and globalization. As a result, the level of proficiency in the national language significantly exceeds the frequency of recognition as a native language.

Discussion and Conclusion. Data analysis revealed a high level of ethno-religious identity, which was higher than the level of civic identity, which is generally typical for national republics. At the same time, despite the relatively high level of proficiency in their national language, almost half of the Tatars and Mordvins surveyed consider Russian to be their native language. The results of the study can be used for an adequate assessment of interethnic and interreligious relations in multiethnic regions.

Keywords: ethno-confessional identity, ethno-linguistic situation, Republic of Mordovia, religiosity, multi-ethnic region

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Kuryshova L.N., Bareev M.Yu., Kurmyshkina O.N. Dynamics of Ethno-Confessional Identity of Residents of the Republic of Mordovia. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(4):754–770. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.754-770>

ВВЕДЕНИЕ

Начало специальной военной операции повлекло за собой значительные социальные сдвиги, затронувшие все гражданское общество России [1]. Оно инициировало переосмысление нравственных установок и укрепление традиционных ценностей, процессы артикуляции общероссийской гражданской идентичности, объединившие народы, которые проживают на данной территории. При этом общероссийская гражданская идентичность не является и не должна быть антиподом этнической [2]. Каждый этнос в границах Российской Федерации обладает собственной уникальной идентичностью, которая в идеале гармонично вплетается в этнически разнообразную структуру страны.

Проблемы, связанные с этноконфессиональной идентичностью граждан, актуализируются на фоне декларации задач сохранения и укрепления традиционных ценностей. Особенно напряженно это может проявляться в полиэтничных регионах, где в условиях обострения социальных проблем поиск оптимального сочетания этнической, конфессиональной и гражданской идентичностей выступает фактором сохранения единства и стабильности российского общества.

Основу этноконфессиональной идентичности составляет этническое самоопределение на базе культурных стандартов и практик, выработанных в контексте религиозной традиции. При этом этноконфессиональная идентичность подразумевает не только декларативную самоидентификацию с той или иной этнической или конфессиональной группой, но и вовлеченность в определенные социальные практики, такие как соблюдение национальных традиций, религиозных норм, празднование национальных и религиозных праздников, использование родного языка в быту, а также в целом ощущение близости с людьми своей национальности или конфессии.

Особенность этноконфессиональной идентичности жителей Мордовии проявляется в том, что этническая принадлежность относится к определяющим факторам социальной идентификации. По мнению исследователей, этничность – это способ позиционирования региональной уникальности и может рассматриваться как ресурс развития территории [3]. Общая идентичность сплачивает людей, позволяя формировать единую общественную реакцию на различные социальные изменения.

Одна из проблем укрепления этноконфессиональной идентичности в России связана с тем, что она многонациональна: в стране проживают больше 190 этносов и этнических групп. При этом усиливающиеся процессы глокализации в мире акцентируют уникальность и неповторимость каждого этнического сообщества, что может как разобщать, так и укреплять единство социума – единство в многообразии.

Для сохранения единства важно управлять межэтническими отношениями, в том числе проводить регулярный мониторинг этноконфессиональной ситуации внутри региональных социумов, что актуально для полиэтничных регионов.

Региональная специфика этноконфессиональных трансформаций в России обусловлена рядом историко-демографических и социально-политических факторов. В субъектах Федерации наблюдается дивергенция процессов: на некоторых территориях преобладает ассимиляционное давление со стороны численно доминирующего этноса, на других – зафиксированы контртенденции, выражающиеся в усилении этнической самоидентификации, институционализации национальных движений.

Глубокие социально-политические преобразования постсоветской эпохи, включая идеологическую секуляризацию, религиозное возрождение, изменения в языковой политике и новые миграционные процессы, существенно изменили механизмы формирования идентичности. Тем не менее имеющиеся исследования дают главным образом статичную картину этноконфессиональной идентичности жителей региона, однако это процесс динамичный, эволюционирующий, которому свойствен во многом ситуативный характер.

Цель исследования – провести детальный анализ составляющих этноконфессиональной идентичности в Республике Мордовия и проследить ее динамическую трансформацию в 2021–2023 гг.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Классическая версия теории идентичности, созданная Э. Эриксоном в середине XX века, опирается на работы З. Фрейда¹, где становление социальной идентичности начинается с вовлечения человека в определенные групповые практики. Идентичность, по Э. Эриксону, это «метод организации опыта», который может быть как групповым, так и индивидуальным². Категоризация понятия «идентичность» была предпринята в работе Г. Таджфела и Дж. Тернера, где рассматривается в качестве адаптивной функции человеческой психики, структурирующей многообразие социальных стимулов в упорядоченную совокупность отдельных категорий³.

В отечественной науке значимый вклад в исследование идентичности внесли В. А. Тишков и М. К. Горшков. По мнению первого, понятие идентичности является близким к самосознанию [4], а по словам М. К. Горшкова, это своего рода основная идея, связанная с национальным образом мира и национальной историей, которая живет в социуме в данную историческую эпоху⁴.

Современные подходы к анализу идентичности и их отличие от теории Э. Эриксона представлены в работе Н. Л. Поляковой, где идентичность замещена понятием «идентификация» и неразрывно связана с процессом индивидуализации личности [5]. Опираясь на философский, социологический и психологический подходы, Л. В. Хачатрян говорит о главенствующей роли идентичности в конструировании социальной реальности [6] и приходит к выводу о том, что основными для отечественных исследователей становятся вопросы о соотношении гражданской и этнической идентичностей.

Различные исследовательские подходы к осмыслению понятия идентичности в дискурсе социально-гуманитарного знания представлены Д. Г. Подвойским и С. Солеймани [7]. Социальную идентичность авторы рассматривают как основу для выявления значимых сходств и различий тех или иных социальных акторов.

¹ См. например: Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. В кн.: Д-р Зигмунд Фрейд. Разреш. автором пер. В. Медема. М.: «Современные проблемы» Н. А. Столляр; 1923. 256 с.

² Erikson E.H. Identity and the Life Cycle. New York: W. W. Norton and Company; 1980. 191 p.

³ Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In: Political Psychology. Jost J.T., Sidanius J. (eds). New York: Psychology Press; 2004. 512 p. <https://doi.org/10.4324/9780203505984-16>

⁴ Горшков М.К. Модернизационный потенциал идентичности (Вместо предисловия) [Электронный ресурс]. В кн.: Россия реформирующаяся. Вып. 12: ежегодник. М.: Новый хронограф; 2013. С. 3–20. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=3074> (дата обращения: 31.01.2025).

Одной из наиболее ранних научных работ в России, затрагивающих проблематику этноконфессиональной и гражданской идентичностей, выступает публикация О. А. Богатовой⁵, где изучаются взаимоотношения религиозной, этнической и гражданской идентичностей в полиэтничном и поликонфессиональном регионе. В исследованиях Л. М. Дробизевой рассматриваются связь гражданской консолидирующей идентичности с межэтническим негативизмом, и гражданская идентичность служит фактором, купирующим возможные межэтнические конфликты [8; 9].

Содержание этнической идентичности в России раскрывает С. В. Рыжова [10]. С этносоциологических позиций автор исследует динамику этого феномена, операционализирует его понятие, предлагает собственные теоретико-методологические подходы к его изучению, настаивая на том, что формирование российской гражданской идентичности неразрывно связано с этническим и религиозным самосознанием народов, проживающих в РФ.

Мониторингом этноконфессиональной ситуации в Республике Мордовия, в том числе изучением религиозной ситуации⁶ и вопросов межнационального взаимодействия [11], занимаются сотрудники Государственного казенного учреждения РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга».

Несмотря на достаточно большое количество исследований, в российской социологической науке практически нет работ, в которых изучается специфика изменений этнической и конфессиональной самоидентификации, происходящих в обществе под влиянием глубоких социально-политических трансформаций. Кроме того, малоизученной темой остается определение особенностей этноконфессиональной идентичности жителей национальных республик Российской Федерации.

Настоящее исследование посвящено рассмотрению особенностей этноконфессиональной идентичности населения Республики Мордовия, а также изменению его самоидентификации и поведения в 2021–2023 гг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методология исследования во многом опирается на концепты и методологию, представленные в работах С. В. Рыжовой⁷ [10]. В частности, использован опросный метод для выявления особенностей этноконфессиональной идентичности. Вместе с тем идентичность соотносится не с фиксированным, унаследованным статусом, а с динамичным процессом, где этноконфессиональная идентичность понимается как многокомпонентное явление, которое включает в себя этническую, религиозную и этноязыковую идентичности.

Эмпирической базой исследования послужили результаты социологических исследований, проведенных ГКУ РМ «Научный центр социально-эконо-

⁵ Богатова О.А. Этническая, религиозная и гражданская идентичность в регионе. *Регионоведение*. 2009;17(3):249–260.

⁶ Козин В.В., Фадеева И.М. Религиозная ситуация в Республике Мордовия. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та; 2021. 111 с.

⁷ Рыжова С.В. Содержание и динамика этнической идентичности в России. В кн.: Этническое и религиозное многообразие России. Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН; 2018. С. 119–135 ; Рыжова С.В. Этническая идентичность в период социальных трансформаций. *Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ)*. Межэтнические отношения, идентификационные и интеграционные процессы в период социальных трансформаций. 2024;(1):19–29.

мического мониторинга» в 2021 и 2023 гг.⁸ Сбор первичных социологических данных осуществлялся методом очного анкетирования по квотной выборке в Республике Мордовия. Квотными признаками выступали: пол, возраст, место жительства (город/село), этническая принадлежность (русские, мордва (мокша, эрзя), татары). Объем выборочной совокупности в обоих случаях составлял 700 чел., предельная погрешность выборки не превышала 3,5 %. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству.

Структура выборки (табл. 1) соответствует составу населения региона согласно статистическим данным по квотным признакам. Опрос проводился с целью изучения состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия. В анкете представлены несколько блоков вопросов, связанных с идентичностью респондента, межнациональными отношениями, религиозными отношениями, этноязыковой ситуацией. Обработка полученных данных осуществлялась в программе SPSS Statistics и Microsoft Excel for Windows 2021.

Т а б л и ц а 1. Структура выборочной совокупности, чел.⁹

Table 1. Structure of the sample population, people

Характеристики выборочной совокупности / Characteristics of the sample population	2021 г.	2023 г.
<i>Место жительства / Place of residence</i>		
Городская местность / Urban	445	450
Сельская местность / Rural	255	250
<i>Пол / Gender</i>		
Мужской / Male	323	324
Женский / Female	377	376
<i>Возраст / Age</i>		
От 18 до 29 лет / 18 to 29	115	106
От 30 до 49 лет / 30 to 49	247	259
От 50 лет и старше / 50 and older	338	335
<i>Национальность / Nationality</i>		
Русский (русская) / Russian (Russian)	381	411
Мордвин (мордовка), (мокша, эрзя) / Mordvin (Mordovian), (Moksha, Erzya)	276	244
Татарин (татарка) / Tatar (Tatar)	37	40
Другое / Other	4	5

Примечание / Note. Здесь и далее в статье данные округлены до целых, сумма долей может отклоняться от 100 % на ± 1 п.п. из-за погрешностей округления / From here on in the article, the data is rounded to whole numbers; the sum of shares may deviate from 100 % by ± 1 percentage point due to rounding errors.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Религиозная ситуация. Республика Мордовия представляет собой полиэтничный регион, в котором проживают 53,2 % русских, 39,9 мордвы, 5,2 татар и

⁸ Республика Мордовия глазами социологов: науч. справ. Саранск: Научный центр социально-экономического мониторинга; 2024. 480 с.

⁹ Таблицы, а также рисунки составлены авторами на основе результатов социологических исследований, проведенных ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» в 2021 и 2023 гг.

1,7 % – других национальностей¹⁰. Основной религией является православное христианство, которое исповедует преимущественно русское и мордовское население. В то же время в регионе зафиксированы немало мусульман, как приезжих, так и живущих здесь постоянно. Носителями религии ислама выступают главным образом татары, в меньшей степени – представители других этносов (около 0,5 % от общей численности населения республики).

В рассматриваемый период декларируемый уровень религиозности жителей республики изменился: если в 2021 г. 72 % опрошенных оценили себя как верующие, то в 2023 г. – уже 78 %. При этом увеличение доли верующих зафиксировано среди всех изучаемых этносов. Наибольший процент среди тех, кто считает себя верующим, в 2023 г. был характерен для респондентов мордовской национальности (мокши) (84 %), а также для татар (83), самый низкий – для русских (74 %) (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Доля верующих респондентов в зависимости от национальности, %

Table 2. The share of religious respondents depending on nationality, %

Национальность / Nationality	2021 г.	2023 г.
Русские / Russians	70	74
Мордва-мокша / Mordvins-Moksha	75	84
Мордва-эрзя / Mordvins-Erzya	71	82
Татары / Tatars	73	83
В целом по выборке / Overall in the sample	72	78

При возросшем за два года общем уровне религиозной самоидентификации снизилась доля тех, кто не указал религию, соответствующую своей вере, т. е. тех, кто выбрал варианты «Верю в высшие силы, но не отношу себя к какому-то религиозному течению», «Не могу точно назвать какое-либо религиозное течение/вероисповедание» и затруднился с ответом (табл. 3). В то же время несколько увеличилась доля респондентов, которые идентифицируют себя как православные: с 87 до 89 %.

Т а б л и ц а 3. Конфессиональная самоидентификация респондентов, %

Table 3. Religious self-identification of respondents, %

Вариант ответа / Answer option	2021 г.	2023 г.
1	2	3
Православие / Orthodoxy	87	89
Ислам / Islam	5	6
Буддизм / Buddhism	< 1	–
Иудаизм / Judaism	–	–
Другая религия / Other religion	< 1	< 1
Не могу точно назвать какое-либо религиозное течение/вероисповедание / I can't name a specific religious movement/denomination	1	< 1
Верю в высшие силы, но не отношу себя к какому-то религиозному течению / I believe in a higher power, but I don't consider myself a member of any particular religious movement	2	1

¹⁰ Республика Мордовия (справка) [Электронный ресурс]. Портал Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://clck.ru/3Qm4wz> (дата обращения: 31.01.2025).

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3
Другие христианские течения (католики, протестанты, униаты, баптисты и т.д.) / Other Christian movements (Catholics, Protestants, Uniates, Baptists, etc.)	1	1
Затрудняюсь ответить / I don't know	4	3
Итого / Total	100	100

В период с 2021 по 2023 год наблюдалась тенденция к снижению вовлеченности населения Республики Мордовия в религиозные практики. Во-первых, люди стали реже бывать в храмах традиционных конфессий: доля никогда не посещавших подобные учреждения выросла на 7 п.п. При этом сократилось количество как регулярных, так и эпизодических прихожан (табл. 4).

Таблица 4. Частота посещения респондентами религиозных организаций (церковь, мечеть или др.), %

Table 4. Frequency of respondents' visits to religious organizations (church, mosque, etc.), %

Вариант ответа / Answer option	2021 г.	2023 г.
Не реже одного раза в неделю / At least once a week	4	4
Не реже одного раза в месяц / At least once a month	14	12
Несколько раз в году / Several times a year	60	55
Никогда не посещаю / Never attend	10	17
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	12	11
Итого / Total	100	100

Во-вторых, зафиксировано снижение интенсивности участия в религиозных праздниках: доля лиц, праздновавших все такие события, сократилась на 12 п.п., а тех, кто отмечает лишь наиболее значимые из них, – выросла на 9 п.п., что свидетельствует о переходе от всеобъемлющей ритуальной практики к выборочному соблюдению религиозных традиций (табл. 5).

Таблица 5. Утверждения, описывающие личное отношение респондентов к празднованию религиозных праздников, %

Table 5. Statements describing the personal attitude of respondents to the celebration of religious holidays, %

Утверждение (вариант ответа) / Statement (answer option)	2021 г.	2023 г.
Я знаю все религиозные праздники и всегда их праздную / I know all the religious holidays and always celebrate them	18	15
Я не всегда праздную религиозные праздники / I don't always celebrate religious holidays	21	15
Я праздную только самые значимые религиозные праздники (Пасха, Рождество, Рамадан и т. п.) / I celebrate only the most significant religious holidays (Easter, Christmas, Ramadan, etc.)	51	63
Никогда не праздную религиозные праздники / I never celebrate religious holidays	9	6
Другое / Other	1	1
Итого / Total	100	100

Особенно заметно названные тенденции проявились среди православных христиан (русских и мордвы), менее очевидно – среди мусульман (татар). Отметим, что результаты исследования, проведенного в среде татарской молодежи региона, указывают на довольно высокий уровень ее вовлеченности в религиозные (мусульманские) практики [12]. Мусульмане (татары) по сравнению с христианами (русскими) проявляют большую религиозность, что также может свидетельствовать о более строгой приверженности религиозным традициям и обычаям [13, с. 62].

Главными мотивами респондентов, побуждавшими их отмечать религиозные праздники и соблюдать определенные религиозные нормы, все чаще становятся «традиция» (35 % в 2021 г., 39 в 2023 г.) и «возможность отдохнуть в компании близких» (8 % в 2021 г., 10 в 2023 г.); все реже – осознанное поведение в соответствии с нормами вероисповедания. Иными словами, собственно духовно-религиозный фактор при вовлечении в те или иные религиозные практики с течением времени становится второстепенным.

Межконфессиональные отношения в регионе традиционно отличаются высоким уровнем толерантности [11]. Так, в 2023 году 26 % респондентов охарактеризовали отношения между людьми различных вероисповеданий как доброжелательные, 63 – как нормальные, бесконфликтные и лишь 3 % – как напряженные, конфликтные.

Этноязыковая ситуация. Большинство опрошенных (69 %) родным языком считают русский; пятая часть (20) – мордовский; меньшинство – мордовский и русский (6), татарский (3), татарский и русский (2 %). При этом русских, согласно актуальным данным, в Мордовии лишь 53 %¹¹, а родной язык, по мнению большей части респондентов (63 %), это «... язык народа, к которому себя относишь и которым владеешь». Учитывая сказанное, можно предположить, что многие (до половины) из тех, кто идентифицировал себя как мордвин или татарин, на этноязыковом уровне относят себя скорее к русским, чем к представителям своей национальности.

В среднем по выборке среди тех, кто определил себя как мордву, считают родным только мордовский язык 56 %, хорошо владеют им значительно больше – 71 % участников опроса. Среди татар родным языком воспринимает только татарский половина опрошенных (50 %), хорошо владеет им – абсолютное большинство (85 %) (табл. 6). Таким образом, обнаруживается тенденция к тому, что степень фактического владения языком своей национальности оказывается заметно выше, чем оценка его респондентами в качестве родного.

Таблица 6. Этноязыковая идентичность татар и мордвы Республики Мордовия, %
Table 6. Ethnolinguistic identity of the Tatars and Mordvins of the Republic of Mordovia, %

Отношение к языку / Attitude to language	Русские / Russians	Мордва / Mordvins		Татары / Tatars
		мокша / Moksha	эрзя / Erzya	
Считают родным только национальный язык / Consider only the national language as their native language	98	53	58	50
Уверенно владеют национальным языком / Confident proficiency in the national language	100	70	71	85

¹¹ Республика Мордовия (справка)...

Почти половина населения выбирает только русский язык для обучения детей на всех ступенях образования. Согласны на национальный компонент в образовании (т. е. изучение национального языка в качестве предмета) треть опрошенных. За обучение только на национальном языке, что чаще выбирается в начальных классах, выступает сравнительно небольшая доля респондентов (около 4 %).

Отметим, что 30 % респондентов-татар в качестве предпочтительного языка преподавания в начальных классах выбрали исключительно татарский (табл. 7).

Т а б л и ц а 7. Предпочтительный язык для обучения детей (внуков) в школе, %

Table 7. Preferred language for teaching children (grandchildren) at school, %

Вариант ответа / Answer option	В целом по выборке / Overall for the sample	Русские / Russian	Мордва / Mordvins		Татары / Tatars
			мокша / Moksha	эрзя / Erzya	
1	2	3	4	5	6
<i>В начальных классах / Primary school</i>					
Мокшанский / Moksha	4	2	17	—	—
Эрзянский / Erzya	3	1	3	11	—
Русский, с преподава- нием одного из мордов- ских языков как пред- мета / Russian, with one of the Mordvin languages taught as a subject	35	26	54	57	3
Русский, с преподавани- ем татарского языка как предмета / Russian, with Tatar taught as a subject	3	—	< 1	—	43
Только русский / Russian only	47	63	22	25	18
Татарский / Tatar	2	—	—	—	30
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	7	8	3	6	7
Итого / Total	100	100	100	100	100
<i>В 5–9 классах / In grades 5–9</i>					
Мокшанский / Moksha	2	1	8	—	—
Эрзянский / Erzya	2	1	2	6	—
Русский, с преподаванием одного из мордовских язы- ков как предмета / Russian, with one of the Mordvin lan- guages taught as a subject	34	27	50	54	—
Русский, с преподавани- ем татарского языка как предмета / Russian, with Tatar taught as a subject	4	1	1	—	54
Только русский / Russian only	49	60	36	28	28
Татарский / Tatar	1	—	—	—	10
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	9	11	3	12	8
Итого / Total	100	100	100	100	100

Окончание табл. 7 / End of table 7

1	2	3	4	5	6
<i>В 10–11 классах / In grades 10–11</i>					
Мокшанский / Moksha	1	–	5	1	–
Эрзянский / Erzya	1	1	1	5	–
Русский, с преподаванием одного из мордовских языков как предмета / Russian, with one of the Mordvin languages taught as a subject	25	19	37	42	3
Русский, с преподаванием татарского языка как предмета / Russian, with Tatar taught as a subject	3	1	–	–	46
Только русский / Russian only	59	68	53	39	33
Татарский / Tatar	1	–	–	–	8
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	11	12	4	13	10
Итого / Total	100	100	100	100	100

Как видно из таблицы 7, в среднем 47 % опрошенных татар хотели бы, чтобы у детей (внуков) языком преподавания был русский, а национальный язык присутствовал в числе школьных предметов. Среди мордвы аналогичный показатель чуть выше – 49 %.

Таким образом, больше половины опрошенных жителей региона мордовской и татарской национальности не хотят, чтобы их дети (внуки) забывали родной (национальный) язык.

Групповая идентичность. Ощущение близости с людьми своей социальной группы – в числе ключевых индикаторов, измеряющих состояние любой групповой идентичности. В исследуемый период в регионе зафиксирован рост чувства принадлежности ко всем обозначенным социальным группам, что может свидетельствовать о нарастании сплоченности и солидарности в социуме (табл. 8).

Таблица 8. Ощущение близости с людьми своей социальной группы по позиции «часто», %
Table 8. Feeling of closeness with people of one's social group according to the "often" position, %

Ощущение близости / Sense of closeness	В целом по выборке / Overall for the sample	
	2021 г.	2023 г.
1	2	3
С людьми своего поколения, возраста / With people of the same generation, age	62	71
Людьми той же профессии, рода занятий / With people of the same profession, occupation	51	58
С людьми своей национальности / With people of the same nationality	43	54
С теми, кто живет в том же городе (селе) / With those who live in the same city (village)	42	54

Окончание табл. 8 / End of table 8

1	2	3
С жителями республики / With residents of the republic	36	48
С людьми одной веры / With people of the same faith	35	48
Со всеми гражданами России / With all citizens of Russia	30	43
С людьми такого же достатка / With people of the same income	35	43
С людьми, близкими по политическим взглядам / With people of similar political views	27	37
Итого / Total	361	456

Примечание / Note. Общая сумма ответов превышает 100 %, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов / The total number of responses exceeds 100 % because the respondent could select multiple answers.

Как видно из таблицы 8, значение этнической идентичности – одно из наиболее выраженных в республике: в 2023 г. 54 % опрошенных ответили, что часто ощущают близость с людьми своей национальности, в 2021 г. – 43 %. Уровень религиозной и гражданской идентичностей ниже: 48 и 43 % соответственно. Кластеризация данных¹² подтвердила, что этническая идентичность в Мордовии является более выраженной, нежели религиозная и гражданская.

Наиболее высоким уровень этнической идентичности оказался в среде татар – 71 %, в среде мордвы показатель составил 58 % (60 % – у мокши, 56 % – у эрзи), в среде русских – 51 % (табл. 9). У татар наряду с этнической идентичностью более выраженной является религиозная: они чаще ощущают близость с людьми своей веры (61 %).

Таблица 9. Ощущение близости с людьми своей национальности и веры в зависимости от национальности, %

Table 9. Feeling of closeness with people of the same nationality and faith depending on nationality, %

Вариант ответа / Answer option	В целом по выборке / Overall for the sample	Русские / Russian	Мордва / Mordvins		Татары / Tatars
			мокша / Moksha	эрзя / Erzya	
1	2	3	4	5	6
<i>С людьми своей национальности / With people of the same nationality</i>					
Часто / Often	54	51	60	56	71
Иногда / Sometimes	30	30	28	30	26
Практически никогда / Almost never	8	8	6	6	3
Трудно сказать / Hard to say	9	11	7	8	–
Итого / Total	100	100	100	100	100

¹² Среднее силуэтной меры связности и разделения кластеров составило 0,7, что соответствует оценке «хорошее» (кластеризация выполнена методом двухэтапного кластерного анализа).

Окончание табл. 9 / End of table 9

1	2	3	4	5	6
<i>С людьми своей веры / With people of the same faith</i>					
Часто / Often	48	46	50	47	61
Иногда / Sometimes	25	25	25	24	26
Практически никогда / Almost never	11	13	7	13	–
Трудно сказать / Hard to say	16	16	18	15	13
Итого / Total	100	100	100	100	100

Полученные данные в целом хорошо коррелируют с результатами исследования, проведенного в Мордовии среди школьников старших классов в местах компактного проживания татар [14], где также был выявлен более высокий уровень этнической идентичности (80 %) по сравнению с религиозной (44) или гражданской (32 %).

Таким образом, в республике показатель этнической идентичности значительно выше, чем гражданской и религиозной. Более высокое значение параметра – только у поколенческой и профессиональной идентичностей. Если сравнить полученные результаты с общероссийскими данными, то в Мордовии уровень этнической идентичности оказался заметно больше, чем в целом по России. Так, исследование А. А. Горбуновой и С. Г. Максимовой, проведенное в девяти регионах Российской Федерации с общей выборкой, превысившей 4 000 чел., показало больший уровень гражданской идентичности по сравнению с этнической и религиозной [15].

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для анализа динамики этноконфессиональной идентичности жителей Республики Мордовия были взяты результаты исследования, проведенного в 2021 г., т. е. еще до начала специальной военной операции. Сопоставление этих результатов с данными аналогичного обследования, осуществленного в 2023 г., выполнялось для выяснения, каким образом могли измениться те или иные параметры этноконфессиональной идентичности за эти два года.

При общем росте религиозности на уровне самоидентификации увеличилась и доля тех, кто соотносит себя с традиционными для России конфессиями (православием и исламом). Однако на этом фоне наблюдается явное снижение вовлеченности жителей региона во многие религиозные практики, что может указывать на снижение интереса к ним.

Декларирование религиозной принадлежности часто рассматривается как социально-позитивное или нормативное явление в обществе с высоким запросом на традиционные ценности. Поэтому респонденты могли отвечать на вопросы то, что, по их мнению, будет воспринято другими благосклонно. В связи с этим уровень декларируемой религиозности оказался выше реальной вовлеченности в религиозные практики.

В исследуемый период наблюдается рост сплоченности и чувства принадлежности к разным социально-значимым группам. При этом сохраняется достаточно высокий уровень этнической идентичности, особенно среди представителей мордовской и татарской национальностей, который заметно выше значений гражданской и религиозной идентичностей. Доминирование этнической идентичности над государственно-гражданской в целом характерно для национальных республик Российской Федерации, к которым относится и Мордовия. Регион воспринимается жителями как дом и историческая родина своего этноса, а Россия – лишь как некое территориальное и социально-правовое пространство, в котором проживает народ [16].

Кроме того, зафиксирован ряд противоречивых моментов, связанных с этноязыковой идентичностью, в частности: при достаточно хорошем общем уровне владения национальным языком почти половина опрошенных татар и мордвы родным языком считают русский, что требует дополнительного изучения.

Особенность этноконфессиональной идентичности жителей Республики Мордовия проявляется в том, что этническая принадлежность выступает одним из определяющих факторов социальной идентификации.

Главным ограничением работы выступает то обстоятельство, что анализ динамики этноконфессиональной идентичности проводился на сравнительно небольшом временном участке (ранее подобных обследований на репрезентативной выборке в регионе не проводилось). Будущие работы должны быть направлены на устранение этого ограничения в рамках лонгитюдных исследований и возможно более детально проработанных методологических инструментов, использование которых позволит определить динамику местной идентичности в более широких временных рамках. Таким образом, данное исследование служит отправной точкой для более глубокого и непрерывного изучения меняющихся идентичностей в национальных республиках Российской Федерации с целью лучшего понимания процессов самоидентификации в многоконфессиональных и полиэтнических регионах страны.

Результаты настоящей работы могут быть использованы для совершенствования национальной политики в регионе, адекватной оценки специфики межнациональных и межконфессиональных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин В.А., Морев М.В. Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022;15(5):9–32. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.1>
2. Горлова И.И., Зорин А.Л. Гармонизация межнациональных отношений как фактор, ускоряющий формирование общероссийской гражданской идентичности. *Культурное наследие России*. 2023;(2):22–29. URL: <https://clck.ru/3PtUjx> (дата обращения: 31.01.2025).
3. Назукина М.В. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России. *Регионоведение*. 2018;26(4):698–717. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.698-717>
4. Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы. *Вестник Российской академии наук*. 2019;89(4):408–412. <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894408-412>
5. Полякова Н.Л. «Идентичность» в современной социологической теории. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2016;22(4):22–42. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-4-22-42>
6. Хачатрян Л.В. Основные подходы к осмыслению феномена идентичности. *Манускрипт*. 2019;12(7):123–126. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.25>

7. Подвойский Д.Г., Солеймани С. Понятие социальной идентичности: основные исследовательские подходы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2019;19(4):825–834. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-4-825-834>
8. Дробизева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма. *Мир России*. 2017;26(1):7–31. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=4966> (дата обращения: 31.01.2025).
9. Дробизева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения. *Социологические исследования*. 2020;(8):37–50. <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
10. Рыжова С.В. Религиозность, этноконфессиональная идентичность и проблемы межэтнического согласия. *Социологические исследования*. 2019;(2):49–58. <https://doi.org/10.31857/S013216250004006-9>
11. Козин В.В., Мотькин В.Н. Социокультурные аспекты межнационального взаимодействия населения полиэтнического региона. *Миссия конфессий*. 2023;12(8):100–106. URL: <http://confessions-word.ru/images/journals/mm-73.pdf> (дата обращения: 31.01.2025).
12. Бареев М.Ю. Мусульманские ценности в восприятии современной татарской молодежи: региональный аспект. *Регионоведение*. 2023;31(4):720–732. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.720-732>
13. Агишев Р.Р. Мусульмане Мордовии: историко-социологический портрет. *Исламоведение*. 2023;14(4):55–65. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2023-14-4-55-65>
14. Полутин С.В., Бареев М.Ю., Осипенко Е.А. Этноконфессиональная и гражданская идентичность школьников старших классов в районах с компактным проживанием татар в Республике Мордовия. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2024;(4):122–131. <https://elibrary.ru/GKJMXB>
15. Горбунова А.А., Максимова С.Г. Соотношение этнического, гражданского и религиозного компонентов идентичности личности в современной России. *Политика и Общество*. 2017;(7):127–134. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.7.20748>
16. Болотина И.И. Соотношение государственно-гражданской, региональной и этнической идентичностей в современной России. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2020;(3):28–37. URL: <https://clck.ru/3PtBBA> (дата обращения: 31.01.2025).

REFERENCES

1. Ilyin V.A., Morev M.V. The Special Military Operation Reveals New Features of Civil Society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(5):9–32. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.1>
2. Gorlova I.I., Zorin A.L. Harmonization of Interethnic Relations as a Factor Accelerating Formation of All-Russian Civic Identity. *Cultural Heritage of Russia*. 2023;(2):22–29. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3PtUjx> (accessed 31.01.2025).
3. Nazukina M.V. Markers of Ethnicity in the Regional Identity of Russia's Republics. *Russian Journal of Regional Studies*. 2018;26(4):698–717. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.698-717>
4. Tishkov V.A. Russia's Identity: Grand Challenges. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2019;89(4):408–412. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894408-412>
5. Polyakova N.L. "Identity" in Contemporary Sociological Theory. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2016;22(4):22–42. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-4-22-42>
6. Khachatryan L.V. Main Approaches to Identity Phenomenon Understanding. *Manuscript*. 2019;12(7):123–126. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.25>
7. Podvoyskiy D.G., Soleimani S. The Concept of Social Identity: Basic Research Approaches. *RUDN Journal of Sociology*. 2019;19(4):825–834 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-4-825-834>
8. Drobizheva L.M. National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism. *Mir Rossii*. 2017;26(1):7–31. (In Russ., abstract in Eng.) URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=4966> (accessed 31.01.2025).

9. Drobizheva L.M. All-Russian National Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sociological Studies*. 2020;(8):37–50. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
10. Ryzhova S.V. Religiousness, Ethno-Confessional Identity, and Problems of Interethnic Harmony. *Sociological Studies*. 2019;(2):49–58. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250004006-9>
11. Kozin V.V., Motkin V.N. Sociocultural Aspects of Interethnic Interaction of the Population of a Multiethnic Region. *Mission Confessions*. 2023;12(8):100–106. (In Russ., abstract in Eng.) <http://confessions-word.ru/images/journals/mm-73.pdf> (accessed 31.01.2025).
12. Bareev M.Yu. Muslim Values in the Perception of Modern Tatar Youth: A Regional Aspect. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):720–732. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.720-732>
13. Agishev R.R. Muslims of Mordovia: Historical and Sociological Profile. *Islamovedenie*. 2023;14(4):55–65. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2023-14-4-55-65>
14. Polutin S.V., Bareev M.Yu., Osipenko E.A. Ethnoconfessional and Civic Identity of High School Students in Areas with a Compact Tatar Population in the Republic of Mordovia. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2024;(4):122–131. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/GKJMXB>
15. Gorbunova A.A., Maksimova S.G. Interrelation of the Ethnic, Civil, and Religious Components of the Identity of Personality in Modern Russia. *Politics and Society*. 2017;(7):127–134. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.7.20748>
16. Bolotina I.I. The Relationship between State-Civil, Regional, and Ethnic Identities in Modern Russia. *Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences*. 2020;(3):28–37. (In Russ., abstract in Eng.) URL: <https://clck.ru/3PtbBA> (accessed 31.01.2025).

Об авторах:

Курьшова Любовь Николаевна, кандидат социологических наук, директор Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0342-8811>, SPIN-код: 9552-8262, kuryshovaln@mail.ru

Бареев Максим Юрьевич, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6228-100X>, SPIN-код: 5666-6853, bareevmaksim@rambler.ru

Курмышкина Оксана Николаевна, старший научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3324-5066>, SPIN-код: 6128-3507, mad-oksana@yandex.ru

Вклад авторов:

Л. Н. Курьшова – проведение исследования; административное руководство исследовательским проектом; написание черновика рукописи; внесение замечаний и исправлений.

М. Ю. Бареев – разработка концепции; разработка методологии; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

О. Н. Курмышкина – проведение исследования; формальный анализ; написание черновика рукописи; внесение замечаний и исправлений.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 28.01.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 22.09.2025.

About the authors:

Lyubov N. Kuryshova, Cand.Sci. (Sociol.), Director of the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring (39a Bogdan Khmel'nitsky St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0342-8811>, SPIN-code: 9552-8262, kuryshovaln@mail.ru

Maxim Yu. Bareev, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Chair of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6228-100X>, SPIN-code: 5666-6853, bareevmaksim@rambler.ru

Oksana N. Kurmyshkina, Senior Researcher at the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring (39a Bogdan Khmel'nitsky St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3324-5066>, SPIN-code: 6128-3507, mad-oksana@yandex.ru

Contribution of the authors:

L. N. Kuryshova – investigation; project administration; writing – original draft preparation; specifically critical review, commentary or revision.

M. Yu. Bareev – conceptualization; methodology; writing – review and editing.

O. N. Kurmyshkina – investigation; formal analysis; writing – original draft preparation; specifically critical review, commentary or revision.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 28.01.2025; revised 15.09.2025; accepted 22.09.2025.